

Слова благодарности

Когда мне впервые попали в руки записки Иоганна Амвросия Розенштрауха об оккупации Наполеоном Москвы, я поначалу намеревался лишь добавить несколько интересных штрихов к книге об истории этого города, которую тогда писал. Но потом меня заинтересовал автор — захотелось узнать о нем побольше. Проект зажил собственной жизнью, и в результате два десятилетия спустя появилась эта книга.

В этом начинании меня поддержали многие организации и частные лица, за что я всем им глубоко благодарен. Впервые я натолкнулся на записки Розенштрауха и начал знакомиться с его жизнью во время исследовательских поездок в Москву, осуществленных за счет стипендий Американских советов по международному образованию и Национального совета по евразийским и восточноевропейским исследованиям. Сами записки хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. Я благодарен сотруднику архива Ф. А. Петрову за то, что он привлек мое внимание к источнику, и заведующему архивом А. Д. Яновскому за то, что он позволил мне скопировать, а позже целиком опубликовать его текст.

Впоследствии я выяснил, что о Розенштраухе сохранилось гораздо больше свидетельств, но они разбросаны по множеству хранилищ. Межбиблиотечный абонемент библиотеки Хесбурга в Университете Нотр-Дам неустанно добывал для меня малоизвестные публикации, а Институт изучения свободных искусств и Институт европейских исследований Нанович, также входящие в Университет Нотр-Дам, финансировали поездки, в ходе которых я смог посетить российские и немецкие архивы.

Я благодарен за помощь замечательным сотрудникам архивов, в которых я работал, перечисленных в библиографии в конце этой книги. Кроме того, мне великодушно оказали помощь сотрудники некоторых собраний, которые я не смог посетить лично: в Польше — Януш Голашевский (Государственный архив Вроцлава); в Нидерландах — Сил ван Дорнмален (региональный архив Боммелерварда), Отто Оттенс (масонская ложа «Глубокое безмолвие»), Як Пипенброк (Масонский культурный центр князя Фридриха) и Ферри Сидерс (Дрентский архив); в Германии — Андреа Ханиш (городской архив, Штральзунд), Юлия Хенниг (Архиепископский архив Падерборна), Кэтлин Яндауш (Главный государственный архив, Шверин), Карола Крюгер (Государственный церковный архив, Шверин), Барбара Мюллер (Институт Генриха Тайсинга и центр документации по церковной и современной истории, Шверин) и Карстен Шлемер (дом-музей Хевенера, Брилон).

На начальной стадии работы Розенштраух интересовал меня в первую очередь как очевидец вторжения Наполеона в Россию. В 2012 году, когда отмечалось 200-летие войны 1812 года, сотрудник Германского исторического института в Москве Д. А. Сдвижков пригласил меня представить мою работу на конференции, организованной ГИИ, а позже — подготовить двуязычное немецкое и русское издание записок Розенштрауха для серии книг, издаваемых ГИИ.

Чем больше материалов я находил о Розенштраухе, тем лучше понимал, что о нем можно рассказать увлекательную историю, если только найти правильный подход. Занимаясь в основном городской и интеллектуальной историей, я не имел ясного представления о том, как подойти к истории малоизвестного частного лица, и я благодарен ряду коллег, которые указали мне полезные направления. Беседа с Франком Вольфом открыла мне глаза на историю мобильности. Об исторической памяти, гендере и транснациональных связях в век революций я начал глубже задумываться после того, как Карен Хагеман включила меня в программу нескольких конференций исследовательской группы «Нации, границы, идентичности: революционные и Наполеонов-

ские войны в европейском опыте и воспоминаниях». Вопрос, заданный моим коллегой из Университета Нотр-Дам Уилсоном Мискамблом, побудил меня обратить более пристальное внимание на религиозную веру как движущую силу в жизни Розенштрауха, а моему пониманию микроистории очень помогла беседа за ужином в Тель-Авиве с Одедом Рабиновичем, а также возможность принять участие в магистерском семинаре Университета Нью-Мексико вместе с Эрикой Монахан и Сэмюэлем Труэттом.

Благодаря этому проекту я расширил не только свой методологический инструментарий, но и географию исследований. Работа над книгой завела меня, исследователя императорской России, в глубь истории Германии XVIII века. Это был превосходный опыт обучения, и я сделал все возможное, чтобы отдать должное предмету.

Я смог вчерне написать первые главы благодаря семестровой стипендии Института перспективных исследований Нотр-Дам: мне были предоставлены как время, чтобы писать, так и возможность плодотворных дискуссий с сообществом талантливых стипендиатов института. За этот опыт я благодарен тогдашнему директору института Брэду Грегори, а также Кэролин Шерман, Дональду Стеллуту и другим замечательным сотрудникам института.

По мере воплощения проекта я пользовался помощью и пронищательными соображениями многих исследователей. За прочтение черновых вариантов отдельных глав я хочу поблагодарить своих коллег из Университета Нотр-Дам, работающих в различных областях европейских исследований: Тобиаса Бозса, Джона Дика, Джулию Даутуэйт, Лорен Фолкнер, Роберта Фишмана, Перин Гурель, Кэти Джарвис, Томаса Ксельмана, Чарльза Ливитта, Витторио Монтемаджи, Иэна Ньюмана, Пьерпаоло Ползонетти, Джозефа Розенберга, Сару Шортолл, Ясмин Соломонеску, Союю Стоянович и Эмили Ванг. Я благодарен историкам России из других организаций за то, что щедро делились знаниями и опытом или помогали мне в исследованиях: в их числе Роджер Бартлетт, Мартин Бейсвенгер, Роберт Коллис, Бен Эклоф, Андрей Иванов, Елена Марасинова, Гэри Маркер, Татьяна Сабурова,

Андрей Серков, Элисон Смит, Уиллард Сандерленд, Илья Виницкий, Елена Вишленкова и Мартина Винклер. Столь же щедры на свое время и опыт были специалисты в других областях, в том числе Левке Хардерс, Марк Эдвард Хэй, Алисия Кусяк-Браунштейн, Роберто Панкери, Карстен Шлемер, Ян Снук, Джеймс Урри, Лесли Уокер и Ортруд Вернер-Хайль. И последнее, но, безусловно, не менее важное: я в долгу перед Джонатаном Ноулзом, Алиной Мезеновой, Стивеном Морганом и Хеленой Вебер за помощь в получении и расшифровке некоторых архивных документов. Всем им, а также анонимному рецензенту «Oxford University Press» моя сердечная благодарность.

Неотъемлемой частью такого проекта, как этот, служат иллюстрации. Я благодарен Мэтью Сиску из Центра цифровых исследований семьи Навари при Университете Нотр-Дам за создание карт, без которых эта книга, в подзаголовке которой как-никак содержится слово «одиссея», была бы неполной. Я также хотел бы поблагодарить несколько организаций, которые позволили мне воспроизвести изображения и документы из их коллекций: в Германии — Архиепископский архив Падерборна и Архив Дома-музея Хевенера в Брилоне; в России — Центральный исторический архив Москвы, Российскую национальную библиотеку, Государственный Эрмитаж и Государственный исторический музей; а также Австрийскую национальную библиотеку в Вене.

На протяжении ряда лет я представлял отдельные части этого проекта на лекциях в Джорджтаунском университете и университетах Торонто, Мичигана, Вилланова, Нью-Мексико, Билефельда и Тель-Авива; на конференциях в Педагогическом университете имени Герцена и Пушкинском Доме (оба в Санкт-Петербурге), а также на заседаниях Среднезападного семинара по истории, Исследовательской группы по России XVIII века и Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований. Я благодарен за эти возможности поделиться своей работой и за интеллектуальную щедрость участников оживленных дискуссий на ее предмет.

Как известно любому профессору, исследовательская и преподавательская деятельность взаимосвязаны. Я хотел написать

книгу, которая заинтересовала бы не только специалистов, но и начинающих историков, поэтому обсуждал черновые варианты глав на семинарах как с выпускниками, так и с первокурсниками. Студенты этих семинаров, спасибо вам за то, что помогли мне стать лучшим историком и писателем.

Повторяющаяся тема в этой книге — память: то, как воспоминания о прошлом влияют на жизнь людей и как время отдаляет эти воспоминания, пока они, наконец, не исчезнут за горизонтом. Люди эпохи Розенштрауха даже сейчас остаются для нас зримыми, но лишь как смутные тени на этом далеком горизонте. Особенно глубоко я это понял после того, как мне посчастливилось познакомиться с Эльке Бриер, Бригит Шуман и Сергеем Штраусом, тремя потомками Розенштрауха. Они щедро делились со мной фотографиями, документами и семейными историями — некоторые из них читатель найдет в этой книге.

Наконец, дела домашние: я в особом долгу перед двумя людьми. Это, во-первых, моя жена Лори — без ее любви, интеллектуальной поддержки, терпения, когда я был поглощен работой, и тщательного редактирования написанного книга, возможно, не появилась бы на свет. Во-вторых — мой отец Дональд Уоррен Мартин, который вдумчиво изучал европейскую историю и проявлял живой интерес к моим исследованиям. С любовью и благодарностью посвящаю эту книгу его памяти.

Введение

В 2002 году московские архивисты показали мне записную книжку, в которой анонимный немецкий купец повествовал о своих приключениях в Москве 1812 года во время оккупации города наполеоновской армией¹. События, последовавшие за оккупацией Москвы, обрекли на провал русскую кампанию Наполеона, стали началом конца его империи и определили направление, в котором пошла вся Европа XIX века. Об оккупации Наполеоном Москвы написано бесчисленное множество книг, и почти все значимые воспоминания очевидцев уже давно опубликованы. Поэтому тетрадь с записками купца оказалась уникальной находкой: это было важнейшее новое свидетельство, не только неопубликованное, но и совершенно неизвестное историкам. Но кто же был автором?

Два года спустя я снова оказался в Москве, на этот раз в другом архиве. После войны 1812 года москвичи подали властям более 18 000 прошений о вспомоществовании, несколько сотен из которых я прочитал, собирая материал для будущей книги. К моему удивлению, в одном из них обнаружили те же детали, что и в анонимной записной книжке. Прошение было подписано Иваном Розенштраухом, купцом из Санкт-Петербурга. Заинтересовавшись, я заглянул в адресную книгу этого города. Там действительно значился некий Иван Розенштраух, но не купец,

---

¹ Воспоминания озаглавлены «Geschichtliche Ereignisse in Moskau im Jahre 1812, zur Zeit, der Anwesenheit des Feindes in dieser Stadt». Полный немецкий текст наряду с переводом на русский и комментарием опубликован в книге «Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля», под редакцией и с введением Александра М. Мартина [Розенштраух 2015].

а актер. Мог ли это быть один и тот же человек? Ответ пришел сам собой несколько недель спустя. Роясь на полках московского книжного магазина, я наткнулся на книгу по истории театра, где приводилось факсимиле подписи этого актера: почерк был тот же, что в тетради и прошении. Иоганн-Амвросий Розенштраух — вот настоящее, немецкое имя этого человека [Реймерс 1809; Губкина 2003: 52; Мартин 2015a]².

Историки в ходе своей работы часто наталкиваются на подобные любопытные фигуры. Хочется узнать о них побольше, но где искать сведения? В отличие от предыдущих поколений, у меня было доступное решение: интернет. Исторические исследования в этом столетии пережили революцию благодаря массовой оцифровке книг, газет, описаний архивных фондов и других материалов, а мой поисковый запрос был идеальным: во всей документированной истории не нашлось другого человека по имени Иоганн-Амвросий Розенштраух. Сведения о нем отыскивались в самых разнообразных местах. Я обнаруживал его имя в письмах, дневниках, контрактах и прочих документах, хранящихся в целом ряде российских, немецких и голландских архивов; на генеалогических сайтах; в путевых заметках, мемуарах, городских справочниках, газетных статьях, театральных афишах и других публикациях XIX века на немецком, русском, голландском, датском, шведском, французском и английском языках, и даже в художественных произведениях и Полном собрании законов Российской империи.

Внутренняя жизнь века революций

История, поведенная мне этими источниками, полна тайн и приключений и похожа на плутовские романы, столь популярные во времена юности Розенштрауха. Он родился в Пруссии в 1768 году; в юности покинув родительский дом и родной город, всю дальнейшую жизнь он провел в скитаниях по немецким землям и Российской империи. Он сбежал с начинающей актрисой и об-

---

² См. также: ОПИ ГИМ. Ф. 402. Д. 239; ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 2219. Л. 171–172 об.

венчался, а позже пытался развестись с ней. Он жил под вымышленным именем, сменил религию и гражданство. Он на собственном опыте познал цеховую систему раннего Нового времени как ученик цирюльника; внес свою лепту в эпоху Просвещения как актер и масон; был свидетелем французских революционных и Наполеоновских войн в Голландии, Германии и России; содействовал распространению капитализма в России как петербургский и московский купец. На момент своей смерти в 1835 году он был лютеранским пастором в немецкой общине в Харькове. Его сын Вильгельм стал видным российским купцом и продолжал торговое дело отца до самой своей смерти в 1870 году.

Биография Розенштрауха, конечно, обязана своей калейдоскопичностью уникальным обстоятельствам его личной судьбы, но, кроме того, она была продуктом особой исторической эпохи — века революций. Век начался с Американской (1775–1783) и Французской (1789–1799) революций, включил в себя Наполеоновские войны, войны за независимость в Латинской Америке и европейские революции 1820-х, 1830 и 1848 годов и закончился войнами и потрясениями в Европе и Америке в 1860–1870-е годы. Розенштраух родился до начала века революций; сын его умер, когда эта эпоха близилась к завершению.

Знакомство с жизнью таких людей, как Розенштраух, помогает нам понять век революций. Именно эта эпоха подарила миру явления, которые по-прежнему весьма важны в нашей жизни, такие как демократия, диктатура, идеологии левых и правых, а также современный капитализм, промышленность, техника, глобализация, колониализм, полиция, журналистика, медицина, образование, расовая и гендерная проблематика. Мы горячо спорим об уроках века революций, о том, как чтить его в праздниках и памятниках, как отображать в музейных экспозициях, кинофильмах и школьных программах. Однако время разорвало нашу личную связь с людьми той эпохи. Никто из ныне живущих не был с ними знаком, и лишь глубокие старики, возможно, знали тех, кто этих людей помнил. В результате, сколько бы мы ни обсуждали историческое значение и наследие того периода, нам зачастую трудно представить себе индивидуальную, челове-

ческую реальность: как люди того времени помнили свое прошлое, интерпретировали настоящее и рисовали себе будущее; что они знали о своем мире и что было от них скрыто; с какими сталкивались ограничениями и какой степенью свободы обладали в принятии личных решений.

С 1970-х годов историки уделяют много внимания восстановлению этой индивидуальной человеческой реальности. Предыдущие поколения ученых полагали, что историю определяют решения политических деятелей и безличное функционирование крупномасштабных социальных и экономических механизмов. По общему мнению, с конца XVIII века по настоящее время историю двигали силы, высвободившиеся в эпоху революций, такие как национализм, промышленный капитализм, классовая борьба между буржуазией и рабочими, упадок религии или мировое господство Запада. Считалось, что ключ к пониманию современной эпохи нужно искать именно в этих силах, которые, как казалось, действовали почти что с регулярностью законов природы³. Однако к 1970-м годам создалось впечатление, что они больше не работают. В западных странах глобализация поставила под вопрос автономность национального государства, экономика деиндустриализировалась, а классовая борьба была оттеснена на задний план новыми конфликтами вокруг проблем пола, расы, иммиграции и окружающей среды. Религия во всем мире укрепила свои позиции; подъем Восточной Азии, а позже и падение советского коммунистического режима изменили мировой порядок. Оказалось, что движущие силы, ранее управлявшие современностью, вовсе не являются непреложными законами истории, и базовый нарратив модернизации распался. Это не могло не встревожить историков, так как именно на этом базовом нарративе основывалась большая часть их исследований [Levi 1991: 93–94; Levi 2019: 37; Blackbourn 2013–2014: 50].

Одним из решений проблемы стало направление, получившее название микроистории. Суть этого метода — исчерпывающее изучение частной, казалось бы, повседневной темы, такой как

³ См., например, [Хобсбаум 1999: 11; Мур 2016: 10–11].

местное сообщество, жизнь отдельного человека или семьи, либо событие, например преступление или судебный процесс. В микроистории существуют разные подходы. Некоторые исследователи пытаются проверить существующие теории о крупномасштабных исторических процессах, рассматривая их сквозь призму свидетельств отдельных людей или ситуаций. Другие стремятся выявить исторические силы, еще не получившие признания, так как они возникают в результате микроуровневых взаимодействий между соседями, родственниками, друзьями или в других небольших группах. Эта книга, в которой рассматривается жизнь конкретного человека в Германии и России в век революций, относится к третьему типу: микроистория, цель которой — заглянуть в сознание людей прошлого и связать, по выражению одного исследователя, «внешнюю жизнь» общества с «внутренней жизнью»: желаниями, страхами, воспоминаниями и фантазиями людей, из которых это общество состояло [Rothschild 2011: 4]⁴.

Человек своего времени

Для эпохи революций Розенштраух был типичной фигурой. Он родился в 1768 году, так что его взросление пришлось на 1780-е годы; именно тогда Иоганн Вольфганг фон Гёте написал стихи, ставшие, по сути, гимном самоутверждения личности:

В путь! Покорствуй указанью!
Как ступать тропинкой правой,
Загодя учись, дружок!
На весах судьбы лукавой
Редко дремлет стерженек:
Приглядишь к их колебанью!
Кто ты? Победитель новый?
Или сам в полон попался?
Гордым молотом поднялся
Или наковальной лег? [Гёте 1975: 252]⁵.

---

⁴ О микроистории см. [Robisheaux 2017: 7–52; Cohen 2017: 53–73].

⁵ Гёте И. В. Кофгские песни (II). (Пер. с нем. Н. Вильмонта.)

Стремление подняться на «весах судьбы лукавой» обуревало многих юношей из поколения Розенштрауха, в которое входили Бетховен, Гегель и Наполеон — великие новаторы, изменившие музыку, философию и политику, — а также множество молодых участников и сторонников Французской революции. Все они, в том числе Розенштраух, страстно желали быть молотом, а не наковальней.

Прослеживая его путь в пространстве — по Германии и России — и во времени — из XVIII в XIX век — в поисках связей между его внутренней жизнью и внешней жизнью его эпохи, мы будем постоянно выходить на пять более широких лейтмотивных тем.

Первая тема — это его личность, характер как таковой, его внутренняя жизнь в самом непосредственном, буквальном смысле. Тип личности, к которому относился Розенштраух, в XVIII–XIX веках становился все более распространенным. В юности — бунтарь, бросивший вызов общественным установлениям, сбежав из дома и выбрав сомнительную профессию актера, в зрелости он, напротив, руководствовался строгими жизненными правилами буржуазии, стал преуспевающим предпринимателем и набожным прихожанином. В том и другом случае он вел себя как человек своей эпохи. Личностные черты одновременно универсальны и индивидуальны, но также содержат аспекты, характерные для определенной исторической эпохи. По мере того как общество модернизируется, а его экономика, механизмы власти и культура усложняются, связь с семьей, родными и людьми из ближнего окружения утрачивает важность по сравнению с целой сетью связей с чужими, посторонними, — сеть эта постоянно растет, а связи усложняются. В результате этого сдвига во внешней жизни общества появляются личности, менее терпимые к вмешательству извне в их частную жизнь, но более охотно подчиняющиеся многочисленным правилам, которые поддерживают функционирование сложной социальной системы [Elias 2000: 367–368, 410, 422, 425; Хабермас 2016: 64]. Все это напрямую касается Розенштрауха. И его юношеская жажда независимости, и принятие в зрелости правил буржуазной ре-

спектабельности говорят об образе мыслей и чувств, который, после того как Европа вступила в современную эпоху, становился все более типичным.

Был и другой аспект, в котором его личный характер отражал внешнюю жизнь века революций. В то время идеи находились в постоянном бурлении: система раннего Нового времени рушилась, а внутри нее уже зарождалась культура современности. Он родился при Старом порядке — авторитарном общественном строе, в котором людям присваивался жесткий статус в соответствии с их классом, вероисповеданием и предполагаемой мерой чести. Как и многие современники, он ненавидел образ мысли Старого порядка с его узколобым принципом исключительности, но, как выяснилось, отвергнуть старые убеждения легче, чем обрести новые. Поиски смысла вовлекли его в культурную сумятицу века революций: он искал высшую истину в Просвещении и мистических доктринах масонства, и соприкасался с национализмом, политическим утопизмом, и апокалиптическими религиозными идеями. В конце жизни он, наконец, обрел твердую почву под ногами: традиционное лютеранство и буржуазный этос. Так завершилась его личная эволюция — превращением в человека XIX столетия.

Измерения истории

И внутренняя жизнь Розенштрауха, и внешняя жизнь века революций разворачивались в координатах времени и пространства. Это и есть наша вторая лейтмотивная тема. Изучая масштабные исторические процессы, мы зачастую вынуждены игнорировать эти факторы и собирать воедино свидетельства из разных эпох и стран. Однако, чтобы понять, почему отдельные люди и целые общества вели себя именно так, а не иначе, мы должны разобраться, в какой степени реальность была для них ограничена конкретными факторами времени и места.

История Розенштрауха наглядно демонстрирует нам, что означало для человека эпохи революций время. Он-то воспри-

нимал век, в котором жил, совсем не так, как мы. Оглядываясь на два столетия назад, мы рассматриваем рубеж XVIII–XIX веков как хронологический водораздел. Исходя из наших представлений, Розенштраух (1768–1835) родился в конце раннего Нового времени, начало которого мы отсчитываем с эпохи Возрождения, а умер в начале современной эпохи, длящейся по сей день. Но его отсчет времени был иным. Он лично помнил 1770-е годы и слышал рассказы людей, помнивших, что происходило за десятилетия до его рождения. Заглядывая вперед, он мог надеяться дожить в лучшем случае до 1830-х или 1840-х годов. Период с середины XVIII по середину XIX века был для него единым отрезком — временем жизни. До этого было далекое прошлое, известное только по книгам; все, что будет после этого, окажется за пределами его жизни.

Пытаясь взглянуть на мир его глазами, мы также вспоминаем о некоторых свойствах времени: они, по сути, всем известны, но думая об истории, мы иногда о них забываем. Во-первых, ретроспективный взгляд позволяет нам сопоставлять более ранние и более поздние периоды и судить о делах по результатам. Понятно, что Розенштраух не располагал такой возможностью: он не был провидцем и в своих поступках основывался только на собственном прошлом и настоящем, но никак не на будущем, которое еще не наступило. Во-вторых, прошлое для него было более многослойным, чем — ретроспективно — для нас. В памяти потомков, как правило, остается только один слой, состоящий из важных исторических переживаний, общих для множества современников. Для него же не менее важными были и другие аспекты: уникальный опыт, сформировавший его как личность, и жизненный цикл, в рамках которого ход времени размечал путь всего его поколения от рождения до смерти. Третий момент, касающийся времени, состоит в том, что память переносит прошлое в настоящее. Пережитое оставляло свой след в памяти Розенштрауха, эти воспоминания влияли на его жизнь, а позже отозвались и в жизни его потомков. По-настоящему понять Розенштрауха, да и любую другую фигуру из прошлого, мы сможем,

только если будем знать, как формируются такие воспоминания и как они передаются из поколения в поколение⁶.

Его биография также позволяет нам увидеть, как переживалось людьми пространство. Поскольку историков в первую очередь интересует подъем и упадок государств, карта прошлого традиционно видится им как набор государств, очерченных четкими границами. Создается обманчивое впечатление, будто внутри каждого государства условия были однородными, но стоило пересечь границу, как картина менялась. Кризис теории модернизации заставил историков усомниться в этом ориентированном на государство подходе. Мы больше не считаем, что границы имеют определяющее значение, и концентрируемся скорее на разнообразии внутри каждого государства. Также мы уделяем больше внимания тем аспектам пространства, которые мало связаны с государственностью, но зато были важны в жизни населения, таким как местные сообщества и соединяющие их длинные дороги [Epple 2012; Burson 2013; Ghobrial 2019; Spaulding 2017: 356–357].

В биографии Розенштрауха эти аспекты пространства составляют центральную тему. Он то и дело пускал корни в некоем месте, откуда потом уезжал на далекое расстояние и селился где-то еще. Следя за его передвижениями, мы можем увидеть сети дорог и формы передвижения, благодаря которым осуществлялась связь между разными странами: торговые пути, судноходные линии, гастрольные маршруты театральных трупп. Наблюдая, как он оседает в определенном месте и заново строит свою жизнь и личность, мы видим каждое из местных сообществ с его ограничениями и возможностями, а также способы коммуникации, которыми он пользовался, чтобы поддерживать связь с друзьями, оставшимися на старом месте. Ведь пространство имело и личное, субъективное измерение. Путешествовать означало идти пешком под дождем или палящим солнцем, трястись в экипаже по ухабам проселочных дорог или плыть на корабле,

---

⁶ О передаче памяти из поколения в поколение см., например, [Creer 2014; Pettitt 2018].

страдай морской болезнью. Это означало знакомиться с местом назначения и размышлять об увиденном в дороге. Как и время, пространство было внешней реальностью, отраженной в географических картах и расписаниях дилижансов, и одновременно внутренним переживанием тела и души.

Скитальцы, народы, империи

Помимо личности нашего героя и пространственно-временных координат, третья тема, к которой нам придется все время возвращаться, это место Розенштрауха в больших человеческих сообществах века революций. С одной стороны, он принадлежал к многочисленному племени скитальцев, которое в ту эпоху коллективно меняло историю. Это были образованные люди, которые по каким-то причинам, будь то враждебные обстоятельства или жажда приключений, вырывались из узких рамок своего непосредственного социального окружения. Кочевая жизнь расширяла их кругозор и позволяла ощущать связь с более широкими кругами общества; по мере того как они обменивались идеями с близкими по духу, в них рождались мечты о будущем, в котором люди станут более свободными и великодушными, а социальные разграничения не такими резкими [Polasky 2015: 5, 8–13].

Некоторые из самых выдающихся революционеров того периода были именно такими скитальцами. Так, английский писатель Томас Пейн, участник и Американской, и Французской революций, был сначала корсетником, потом акцизным чиновником, школьным учителем, табачником и матросом на каперском судне⁷. Жизнь Розенштрауха была не менее пестрой. Он путешествовал по немецким землям и России, менял веру, подданство и род занятий, имел дело и с просветителями, и с масонами. Он не был революционером, но его мобильность и устремления делали его характерной фигурой эпохи революций.

---

⁷ Philp M. Thomas Paine (1737–1809) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford and New York, 2004–. URL: <https://www.oxforddnb.com>

Притом что Розенштраух принадлежал к интернациональному племени скитальцев, его история также неразрывно связана с национальной историей Германии и России. В начале века революций в обеих странах царил Старый порядок: население по закону делилось на сословия дворян, крестьян и другие социальные категории с неравными правами и обязанностями. К тому же обе страны были империями, хотя и разного типа: Германия представляла собой рыхлое объединение независимых государств; Россия была политически единой, но включала в себя множество непохожих друг на друга регионов и национальностей. Так что основополагающими принципами социальных систем обеих стран были разнородность и неравенство. В век революций оба этих принципа были дискредитированы, и их место все чаще занимал идеал, противоречащий как Старому порядку, так и самому понятию империи, — национализм. Суть его в том, что все, кто имеет общую национальную идентичность, должны быть равноправными гражданами своего, единого национального государства.

В биографии Розенштрауха отражается множество уродливых, репрессивных черт империи и Старого порядка: удушливый провинциализм, религиозный фанатизм и социальное неравенство в Германии, а также жестокое крепостничество и самодержавие в России. Это соответствует пессимистическому взгляду на немецкую и российскую историю, распространившемуся на Западе в середине XX века. Историки того времени хотели понять, почему при переходе к современности эти две страны свернули на фатальный путь, который в конце концов привел к тираническим режимам Гитлера и Сталина. Дело в том, утверждали они, что в век революций ни в той, ни в другой стране не удалось заложить основы для здоровой модернизации. Германия так и не построила единого национального государства и не преодолела историческую традицию авторитарного правления; в России же не возникло энергичного гражданского общества, которое могло бы отобрать власть у царского самодержавия и повести крестьянские массы в современную эпоху⁸.

---

⁸ О России см. [Raeff 1966: 3, 73–75; Пайпс 1993: 11, 174; Raeff 1983: 223–224].
О Германии см. следующее примечание.

В последние десятилетия эта интерпретация утратила авторитет; понять, почему это произошло, помогает нам, в частности, биография Розенштрауха. Странствуя по немецким землям и России, он не только сталкивался с классовыми, религиозными и этническими предрассудками, но также встречал благосклонное отношение и возможности продвинуться по общественной лестнице. Да, режимы, при которых он жил, были авторитарными, но они не попирали его права каждый день и каждый час. Сам он не стал поборником демократии, но твердо верил в универсальное достоинство каждой человеческой личности. Коротко говоря, его опыт показывает, что либеральное по сути своей мировоззрение может существовать даже при нелиберальных режимах.

Этим открытием только подтверждается имевшее место в последние десятилетия общее переосмысление немецкого и российского прошлого. Историки поняли, что постгитлеровский и постсталинский режимы в Германии и России оказались слишком прочными, чтобы быть отклонением, поэтому начали искать их истоки в более ранних периодах. Кроме того, историки стали в целом уделять меньше внимания официальным политическим институтам страны и больше — ее практической, повседневной способности поддерживать порядок на основе общего согласия и учитывать различные социальные группы. В результате историческая репутация как Германии, так и России до новейшего периода улучшилась. Историки Германии XVIII–XIX веков теперь утверждают, что отсутствие в стране государственного единства на самом деле имело и положительную сторону: оно способствовало свободе и препятствовало укреплению деспотической централизованной власти⁹. Такому же переосмыслению подверглась императорская Россия. Сегодня историки утверждают, что российская монархическая власть не просто творила произвол, но и искала поддержки подданных; простые люди и этнические меньшинства обладали определенной свободой

---

⁹ О Германии: [Green 2003; Smith H. 2005: 272–275; Forum 2017; Whaley 2015; Whaley 2018; Williamson 2018; Maxwell, Davis 2016].

действий в управлении своими делами; а слияние русской традиции с европейскими веяниями создало большее культурное единство, чем предполагалось ранее¹⁰. Общая суть рассуждений состоит в том, что свобода, терпимость и уважение к правам других существовали в обеих странах. В истории Розенштрауха отражены как их масштабы, так и их границы.

История и домыслы

Розенштраух лично не наблюдал ни одной из революций своего времени, но косвенно был связан с ними так тесно, что нашим четвертым лейтмотивом оказывается сам век революций. Его повествовательная арка совпадает с аркой биографии Розенштрауха. Кризис социальной системы раннего Нового времени и новые идеи эпохи Просвещения не только послужили основными причинами революций той эпохи; они также подтолкнули Розенштрауха к решениям, которые он принял в юности, в 1780-е, и которые сформировали его дальнейший путь. В зрелые годы ход его жизни был нарушен насилием и экономическими кризисами, вызванными Французской революцией и Наполеоновскими войнами. После поражения Наполеона он несколько лет процветал, принимая участие в несбыточных попытках российского императора преобразовать послевоенную Европу. Но в 1820-е, когда стало ясно, что из этого ничего не выйдет, Розенштраух, как и большинство европейцев, перешел к консервативному существованию в условиях порядка и стабильности. Его наследники продолжали процветать при этом режиме, пока последняя волна великих потрясений 1848–1871 годов окончательно не разрушила Старый порядок как в семье Розенштраух, так и в европейской жизни в целом.

И последний лейтмотив этой книги. Сравнение исторического исследования с детективным расследованием уже давно стало

---

¹⁰ См. [Wortman 1995–2000, 1: 3–4; Burbank, Ransel 1998; XVI–XX; Smith A. 2014: 13; Hamburg 2016: 742; Kollmann 2017: 2, 6; McCaffray 2018: 4; Offord et al. 2018: 35–44].

избитым, но когда речь идет о микроистории, в этом штампе обнаруживается доля правды. Розенштраух — неуловимая цель: в истории он оставлял лишь фрагментарные следы, а иногда активно их заметал. Подобно сыщикам, мы будем внимательно изучать каждую мельчайшую улику, а пробелы заполнять обоснованными предположениями. В одних случаях улик более чем достаточно, в других они лишь косвенные, а в третьих мы полностью сбиваемся со следа и все, что нам остается, — искать на стороне похожие моменты и делать выводы по аналогии. Я не уверен, что все мои догадки в точности соответствуют истинным перипетиям жизни Розенштрауха. Однако они дадут читателю представление о том, каково было жить в Германии и России в век революций.

Часть I

.....

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ
НАЧАЛО,
1768–1790

.....

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru